

На третий день после возвращения в Дом Е Е Чанлин получил официальное приглашение от резиденции князя Инцзяна. Чу Чэньяо приглашал его на встречу... нет, для обсуждения важных дел.

Хотя Е Чанлин не хотел иметь дело с Чу Чэньяо, но между заточением в маленьком дворе и прогулкой он выбрал последнее. Ему также было любопытно, что именно Чу Чэньяо хотел обсудить.

Их общие интересы ограничивались угольной шахтой в Западных горах. Бездымный уголь из Западных гор Пекина был известен и в будущем, но его добыча велась ещё в эпохи Мин и Цин. Однако в период Мин здесь находились императорские гробницы, и, несмотря на это, жажда наживы взяла верх, и власти закрыли глаза на тайную добычу угля.

Именно поэтому Е Чанлин так легко передал шахту Чу Чэньяо. Он даже не имел степени сюэцай. Однако, учитывая, что Чу Чэньяо был столь прямолинеен, Е Чанлин решил, что можно было бы заключить с ним ещё одну сделку.

С такими мыслями он отправился в чайный дом, следуя за Чэнь Вэем. Войдя в уединённую комнату, он сразу же встретился с пронзительным взглядом Чу Чэньяо. Оба обменялись улыбками, полными скрытых намерений.

Е Чанлин ещё не знал, что в столице уже вовсю обсуждали их предполагаемые любовные связи...

— Князь, — почтительно поклонился Е Чанлин.

— Господин Е, присаживайтесь, — кивнул Чу Чэньяо, и только тогда Е Чанлин заметил, что в комнате находятся ещё двое.

Один из них был высоким и крепким, и даже рядом с Чу Чэньяо он не терялся. Другой, одетый в скромный халат учёного, с бледным и красивым лицом, лишь задумчиво держал чашку чая, его выражение было трудно читаемым.

— Пятый господин, не дайте себя обмануть, — произнёс высокий мужчина, с силой поставив чашку на стол, как только Е Чанлин собирался сесть.

Е Чанлин: ...

Они, кажется, виделись впервые.

Подняв бровь, он сел. Чу Чэньяо, словно не замечая враждебности со стороны молодого человека, просто представил их.

— Это Чэн Чжунъюй, — кивнул он в сторону учёного в халате, — а это Ли Шужуй.

Услышав эти имена, Е Чанлин вспомнил, кто они такие. Чэн Чжунъюй, внук министра финансов, вечный второй. В двенадцать лет он написал эссе, которое дошло до императора Юнцзя, и тот был так впечатлён, что лично похвалил его. К сожалению, в столице был ещё один, более известный вундеркинд — Лю Сижань, который в год умел говорить, в три знал наизусть классические тексты, а в пять писал иероглифы размером с ладонь. Е Чанлин вспомнил, что последний, кто был настолько гениален в детстве, был главный секретарь Ли в эпоху Мин. Вундеркинды всегда должны были делать что-то невероятное в раннем возрасте. Если бы не Лю Сижань, Чэн Чжунъюй был бы самым ярким юношей в Шуньтяне. Но с Лю Сижанем, который был его ровесником и учился с ним, Чэн Чжунъюй оказался в тени. По времени он уже сдал провинциальные экзамены и ждал столичных экзаменов следующей весной.

В книге «Заговоры Восточного дворца» Чэн Чжунъюй оказался втянут в крупнейший скандал с мошенничеством на государственных экзаменах, и даже его дед был замешан в этом. А в книге «Путешествие через тиранию» главный герой «Е Чанлин» рассказал об этом Чу Чэньяо, и благодаря эффекту бабочки Лю Сижань провалился, а Чэн Чжунъюй получил первое место на столичных экзаменах и второе на дворцовых.

Е Чанлин: ...

Вечный второй.

Что касается Ли Шужуй, который смотрел на него с явной враждебностью, он был внуком герцога Ин, будущим наследником титула и новым восходящим светилом столицы, одержавшим несколько побед в сражениях. В обеих книгах он был верным сторонником Чу Чэньяо, появляясь на заднем плане, а в «Путешествии через тиранию» он испытывал неприязнь к «Е Чанлину», который заставил Чу Чэньяо пасть перед красотой, и создал ему небольшие трудности, которые на самом деле помогли сюжету.

Чэнь Вэй принёс несколько закусок вместо слуги, а также кувшин персикового вина и кувшин чая «Лунцзин» раннего сбора. Закуски были хрустящими, сладкими и солёными, но Е Чанлин не любил такие, поэтому лишь попробовал немного.

Чу Чэньяо и двое других обсуждали последние события в столице, и Е Чанлин начал клевать носом. Кроме Чу Чэньяо, один из них игнорировал его, а другой смотрел с враждебностью, и время тянулось медленно.

Возможно, из-за отношения Чу Чэньяо они постепенно начали обсуждать более серьёзные темы. Например, предстоящую через десять дней осеннюю охоту и небольшой военный парад в конце года. Парады были обычным делом в истории, не только в Китае, но и в других древних странах. В каждую эпоху, по случаю важных праздников, их проводили, чтобы продемонстрировать мощь государства.

Эпоха, в которой жил Е Чанлин, не была исключением, и парады проводились даже чаще. Например, каждые три года устраивали большой парад, а в конце года — небольшой. Парады

сопровождались оценкой и награждением по результатам. Но в ходе обсуждения тема снова вернулась к Е Чанлину.

— Чанлин, вы планируете участвовать в этом параде? — напрямую спросил Чэн Чжуньюй.

Услышав это, Чу Чэньяо, который до этого молчал, повернулся к Е Чанлину. Возможно, из-за своего статуса или характера, он не принимал активного участия в обсуждении, как и тогда, когда он сам нашёл Е Чанлина.

Как будто Е Чанлин был просто шутком, обезьяной, напоминающей ему, в каком времени он живёт.

Свысока.

Постоянно напоминая Е Чанлину, в какую эпоху он попал.

— Хе, этот слабак, наверное, обмочится от страха, как только окажется там, — услышав слова Чэн Чжуньюя, Ли Шужуй без церемоний рассмеялся.

Е Чанлин поднял глаза и бросил на него взгляд.

Этот взгляд заставил Ли Шужуй почувствовать странное беспокойство.

— На что смотришь? — хотел он выругаться, но, учитывая присутствие Чу Чэньяо и то, что это был не военный лагерь, полный грубиянов, сдержался.

Ни на что.

Пока он не мог ничего сделать с Чу Чэньяо, но с этим мальчишкой он бы разобрался.

Е Чанлин поднял чашку с чаем. Этот «Лунцзин» раннего сбора... он всё равно не мог отличить хороший чай от плохого.

Е Чанлин не стал отвечать, и Ли Шужуй почувствовал себя неловко. Увидев это, Чэн Чжуньюй вмешался, предложив перейти в другое место прогуляться.

Хотя они просто перешли из тихой чайной комнаты в обычное место на втором этаже ресторана, атмосфера стала гораздо оживлённее. Рядом с лестницей доносились голоса и запахи еды с первого этажа.

Будучи постоянными клиентами, они быстро получили заказ. Блюда выглядели аппетитно, яркие и красочные.

Но самое главное — там было мясо.

Впервые за полгода он почувствовал его аромат.

Небо ведаёт, для чего он каждый день рыбачил у реки.

Е Чанлин смотрел на тарелку с тонко нарезанной уткой, готовый расплакаться от счастья.

Где он был? В Шуньтяне.

В Пекине.

Его выражение было настолько жалким, что даже Ли Шужуй не выдержал и подвинул тарелку в его сторону.

Е Чанлин взглянул на него и увидел, как тот отворачивается, раздражённо бросая:

— Если хочешь есть, ешь быстрее.

Теперь Е Чанлин был озадачен, но ему было лень разбираться. Он уже собирался взять кусок палочками, когда услышал голос Чу Чэньяо.

— Я помню, что господин Е всё ещё в трауре.

Услышав это, Е Чанлин перевёл палочки на блюдо с зеленью. Просто варёная зелень, с добавлением только тофу.

— Тогда Чжуньюй проявил невнимательность, — тут же извинился Чэн Чжуньюй перед Чу Чэньяо и Е Чанлином, хотя его выражение лица совсем не походило на извиняющееся.

Он ещё и нарочно велел слуге переставить тарелку с уткой, суп с бараниной и говядину к себе, заодно заказав Е Чанлину дополнительное вегетарианское блюдо.

Честно говоря, вегетарианские блюда в этом ресторане были неплохими, особенно «восемь сокровищ» — свежие и вкусные. По сравнению с тем, что он ел ежедневно в поместье, разница была как небо и земля.

Но это было справедливо только в отсутствие других. На другой стороне стола трое ели мясо и рыбу, а он мог только жалобно жевать зелень, да ещё и без капли масла.

<http://bllate.org/book/15199/1341699>